

Санкт-Петербургская
православная духовная академия
Архив журнала «Христианское чтение»

А.И. Садов

Латинский язык в его истории

Опубликовано:

Христианское чтение. 1910. № 5-6. С. 714-731.

© Сканирование и создание электронного варианта:
Санкт-Петербургская православная духовная академия
(www.spbda.ru), 2009. Материал распространяется на основе
некоммерческой лицензии [Creative Commons 3.0](https://creativecommons.org/licenses/by/3.0/) с указанием
авторства без возможности изменений.

СПбПДА
Санкт-Петербург
2009

Латинскій языкъ въ его исторіи.

(Очеркъ).

ТОТЪ языкъ, который впоследствии сталъ государственнымъ языкомъ міродержавнаго Рима, былъ сначала діалектомъ небольшого италійскаго племени. Говорили имъ латины, одно изъ италійскихъ, родственныхъ по крови и языку, племенъ, въ очень небольшой области — древнѣйшемъ Лаціумѣ, на пространствѣ между рѣкой Тибромъ, притокомъ его Аніеномъ, Апеннинами, горой Алгидомъ, рѣкой Нумикомъ и Тусскимъ моремъ. Въ качествѣ латинскихъ колонистовъ, говорили этимъ нарѣчіемъ и римляне. Росъ и укрѣплялся въ политическомъ и культурномъ отношеніи Римъ, — усиливался и развивался и его языкъ. Но памятниковъ латыни изъ древнѣйшей стадіи ея развитія не дошло до позднѣйшаго времени. О языкѣ Рима въ начальную пору его существованія, до появленія историческаго преданія, можно судить только по памятникамъ дальнѣйшаго времени и по языкамъ родственныхъ племенъ ¹⁾. Изъ времени, послѣдовавшаго за доисторическою порою въ жизни Рима, памятники сохранились, хотя и въ очень небольшомъ количествѣ.

Въ концѣ мая 1899 года, при раскопкахъ на Forum

¹⁾ См., напримѣръ, проф. И. Цвѣтаева Сборникъ осскихъ надписей съ очеркомъ фонетики, морфологии и глассаріемъ (Кіевъ, 1877), и его же *Sylloge inser. oscarum*, и отзывъ проф. И. В. Помяловскаго объ этихъ изданіяхъ въ „Журн. М. Н. Пр.“ 1879, ч. 205, окт.; *Italischen Sprachen von W. Deeske, neubearb. von W. Meyer-Lübke*, въ G. Gröber, *Grundr. d. rom. Philologie*, I (1904—1906), 431 ff.; *Grienberger* въ *Indogerm. Forschungen* о надписи на такъ наз. фучинской бронзѣ (по В. рн. W. 1909, 10, 313).

Романум, вблизи арки Севера, была открыта небольшая четырехугольная, обломанная сверху, пирамидальная стела (колонна), покрытая по сторонамъ архаическими, вырѣзанными на камнѣ въ вертикально — бустрофедонномъ порядкѣ, латинскими письменами. Эта надпись, сохранившаяся, къ сожалѣнію, въ далеко не полномъ видѣ и отчасти именно поэтому прочитанная и истолкованная не сполна и не всѣми одинаково, есть самый древній изъ извѣстныхъ доселѣ лапидарныхъ памятниковъ латинскаго языка. Относять его къ V, даже VI вѣку до Р. Хр., при чемъ не исключается возможность принадлежности надписи и времени царей¹⁾. Раньше были открыты: латинская (или — по другому выраженію — изложенная латынью города Пренесты)²⁾ надпись на золотой пренестинской фибулѣ (пряжкѣ), относимая къ VI вѣку до Р. Хр.³⁾; найденная въ 1889 г. такъ называемая Duenos — надпись на глиняномъ сосудѣ, открытомъ въ Римѣ, относимая къ V вѣку до Р. Хр.⁴⁾. Дальше идутъ надписи на древнѣйшихъ монетахъ, на небольшихъ сосудахъ и чашахъ, а также надписи изъ гробницы Фуріевъ въ Тускулумѣ — V вѣка отъ основанія Рима; надписи

¹⁾ Berl. ph. W., 1899, 31/32, 1001 ff.; 49, 1531 ff. (Ch. Hülsen); 1900, 22, 698 ff.; 23, 731 ff.; 24, 763 f.; 25, 796 ff.; 36, 1116 ff.; 40, 1244 — 1246; 1902, 7, 219 ff.; Bulletin de l'Académie impériale des sciences de St. Pétersbourg, 1899, Dezember; Steffens, Lat. Palaeographie (1903), гдѣ, какъ и въ B. ph. W., данъ и снимокъ съ памятника; изданіе W. Kroll, Die Altertumswissenschaft im letzten Vierteljahrhundert (1905), 221—222; Bibl. ph. classica за разные годы; „Журн. Мин. Нар. Просв.“ 1900, мартъ и ноябрь; „Филол. Обзор.“, XX (1901), 1, 21—23; О. Вазинеръ, Древній рим. форумъ при свѣтѣ новѣйшихъ раскопокъ (1904), 40—49.

²⁾ На основаніи надписей изъ Пренесты, Тускулума, Тибура, признается, что даже вблизи Рима, въ предѣлахъ его непосредственнаго вліянія, мѣстные особенности говора сохранились сравнительно долго. (G. Gröber, Grundriss d. Roman. Philol. I, 439—440). Поэтому говорятъ иногда о нарѣчіяхъ или говорахъ Пренесты, Ланувіума, наравнѣ съ нарѣчіемъ Фалерій и области города Капены. Fr. Stolz въ Histor. Grammatik der lat. Sprache, bearb. von Blase, Landgraf, Schmalz, Stolz, Thüsing, Wagener und Weinhold, I, 1, 15 ff. „Филол. Обзор.“ XIV (1898), 2, 12—13.

³⁾ „Manios med vhevhaked Numasioi“. Снимокъ съ надписи есть и въ B. ph. W. (1900, 23, 733).

⁴⁾ Снимокъ съ части надписи — B. ph. W. 1900, 23, 733—734. Одно изъ толкованій — въ B. ph. W. 1897, 48, 1496. В. Модестовъ, Введеніе въ римскую исторію (1902), 169. Возраженія противъ подлинности надписи высказалъ проф. И. Нетушилъ въ „Филол. Обзор.“ XI (1896), 1, 121—126, въ статьѣ: „Дуэнова надпись“.

на ящичкахъ и зеркалахъ Пренестинскихъ, посвячительныя надписи изъ Пизавра и элогіи Сципіоновъ — V и VI вѣковъ Рима ¹⁾); законы о священныхъ рощахъ, декретъ Л. Эмилия Павла, опредѣленіе сената о Бакханаліяхъ — VI в. Рима; разныя священныя надписи и эпитафіи пренестинскія — VI и VII в., надписи Мумміевъ, *lex Vantina*, *lex Acilia repetundarum* — VII вѣка ²⁾), и многія другія разнаго содержанія надписи, этого, предшествующаго и слѣдующихъ вѣковъ, на камнѣ, металлѣ и другихъ матеріалахъ, въ томъ числѣ разные *Fasti* и *Carmen Arvale*, памятникъ древнѣйшей сакральной поэзіи, лапидарнымъ путемъ засвидѣтельствованный уже въ III в. имперіи, но въ сущности своей относящійся къ раннѣйшимъ памятникамъ латинской рѣчи ³⁾). Сюда же примыкаютъ преданные литературнымъ путемъ, въ рукописныхъ копіяхъ разныхъ памятниковъ литературы, такъ называемые *leges regiae* ⁴⁾), *leges XII tabularum* ⁵⁾), памятники архаической латыни въ Цицероновыхъ «законахъ» ⁶⁾) и т. п., а также фрагменты пѣснопѣнія Саліевъ, драгоцѣнный, хотя совсѣмъ небольшой и въ жалкомъ видѣ сохранившійся памятникъ древнѣйшей латыни ⁷⁾), и нѣкоторые другіе ⁸⁾). По мѣрѣ отдаленія отъ древнѣйшей поры, число уцѣлѣвшихъ памятниковъ языка, въ общемъ, становится обильнѣе, а содержаніе ихъ со стороны языка богаче. Все это — слѣды до-литературной латыни, отличающейся особою древностію формъ и простотою въ сочетаніи предложений.

Въ метрическихъ сентенціяхъ, сохраненныхъ литературной традиціей съ именемъ Аппія Клавдія Слѣпого, который впрочемъ писалъ и прозою (V в. Рима), остался слѣдъ первыхъ начатковъ литературной рѣчи въ Римѣ ⁹⁾). Отсельъ начи-

¹⁾ *Dialectorum italicarum exempla*, ed. Schneider I, 1 (1886), 1 ss.; Wordsworth, *Fragments and specimens of early Latin* (1874), 156 ff.; Wilmanns, *Exempla inscr. l.*, I, 1 ss.; Dessau, *Inscr. lat. selectae*, I, 1, ss.; L. Mueller, *Der Saturnische Vers* (1885), 153 ff.; И. Холодьякъ въ „Журн. М. Н. П.“ 1884, ч. 231—232; 1887, ч. 251; 1888, ч. 259.

²⁾ Schneider, Wordsworth, Bruns (*Fontes iuris romani*) и др.

³⁾ H. Jordan, *Krit. Beitr. z. Gesch. d. l. Spr.* (1879), 189 ff.

⁴⁾ Bruns, l. c.

⁵⁾ В. Никольскій, *Система и текстъ XII таблицъ* (1897).

⁶⁾ H. Jordan, s. 225.

⁷⁾ См., напр., L. Müller, s. 88; H. Jordan, 211 ff.; Merry, *Select. fragm. of R. P.* (1891), 1.

⁸⁾ См. Schanz, I.

⁹⁾ Merry, p. 3.

нается такъ наз. архаическая (въ тѣсномъ смыслѣ) латынь. Засимъ, послѣ нѣкотораго перерыва въ преданіи, идетъ весьма длинный рядъ памятниковъ латинскаго языка въ его сравнительно литературной, постепенно, хотя и медленно, получавшей печать нѣкоторой художественности, формѣ. Фрагменты изъ переводной «Одиссеи» и трагедій Ливія Андроника, изъ *Bellum Punicum*, трагедій, комедій и претексть Невія, изъ эпоса и драмъ Эннія, сохранившіяся въ полномъ видѣ многія комедіи—палліаты Плавта и Теренція, фрагменты трагедій и претексть Пакувія и Акція и другихъ представителей римской драматической поэзіи ближайшаго и позднѣйшаго времени, отрывки изъ палліатъ Цецилія Стація и иныхъ древнихъ спеническихъ авторовъ, изъ тогачъ Титинія, Атты и Афранія, изъ Ателланъ Помпонія и Новія¹⁾, фрагменты изъ сатуръ Луцилія, вмѣстѣ съ памятниками прозаической рѣчи перваго въ собственномъ смыслѣ римскаго прозаика—Старшаго Катона, римскихъ анналистовъ, древнѣйшихъ ораторовъ и иныхъ писателей, представляютъ уже обильный матеріалъ для изученія латыни какъ высшихъ, такъ и низшихъ слоевъ народа, въ до-классическій періодъ. Существенное подспорье представляютъ при этомъ и надписи.

Къ началу классическаго періода геній народа, духовнымъ трудомъ нѣсколькихъ поколѣній и дарованіями своихъ лучшихъ выразителей, уже намѣтилъ и отчасти выработалъ нѣкоторыя нормы языка, а равно и метра, въ связи съ опредѣленіемъ количества (т. е. долготы или краткости слоговъ), которыя въ золотой вѣкъ римской литературы получили дальнѣйшее раскрытіе, развитіе и обогащеніе, послѣ же того и общее признаніе. Сначала явилась классическая проза—въ рѣчахъ, риторическихъ разсужденіяхъ, философскихъ трактатахъ и письмахъ Цицерона, въ большей своей части сохранившихся доселѣ, и въ «Запискахъ» Юлія Цезаря. Не много позже обозначился расцвѣтъ и поэтической рѣчи—въ художественныхъ созданіяхъ Вергилія, Горация, Тибулла, Проперція и Овидія, почти сполна сохранившихся и до нашего времени. Два этихъ періода—вѣкъ Цицерона и вѣкъ Августа—были подлинно временемъ высокаго развитія латинскаго литературнаго языка какъ въ прозѣ, такъ и въ стихахъ. Литературная рѣчь отлилась теперь въ изумительно точныя и красивыя,

¹⁾ *Scenicae Romanorum poesis fragmenta recogn. O. Ribbeck, I—II.*

часто блестящія формы, но, разумѣется, не у всѣхъ авторовъ той поры. Литературный вкусъ, степень и самое свойство дарованія, конечно, не у всѣхъ авторовъ были одинаковы; иные жили еще традиціями прошлаго, къ которому примыкали близко и своей связи съ которымъ рѣзко не разрывали; иные совсѣмъ не придавали особаго значенія формѣ изложенія; у нѣкоторыхъ форма выраженія мыслей, не всегда искусная, условливалась и самымъ свѣйствомъ темъ, которыя ими обрабатывались; у нѣкоторыхъ дарованіе ихъ, несомнѣнно крупное, не успѣло вполнѣ развиться и созрѣть. Оттого языкъ Варрона, напримѣръ, не напоминаетъ языка Цицерона, а рѣчь Саллюстія не похожа на изложеніе Цезаря, хотя всѣ они были современниками. Стилъ авторовъ мимовъ Децима Лаберія и Публилія Сира—не тотъ, что стилъ поэтовъ Августова вѣка, хотя тѣхъ и другихъ раздѣлялъ не слишкомъ большой промежутокъ времени. Съ нѣкоторымъ ограниченіемъ можно сказать это даже о Лукреціи и Катуллѣ, принадлежавшихъ второй половинѣ вѣка Цицерона; Ливій жилъ уже послѣ Цицерона, среди литературныхъ вліаній эпохи Августа; но его рѣчь не всегда строго классическая. Индивидуальность авторовъ, даже при установившихся въ то или другое время языковыхъ нормахъ, всегда сказывается, и иногда сильно. Да и вообще переходы отъ одного періода къ другому въ духовной жизни народовъ, а слѣдовательно и въ исторіи языка, какъ отобразы и органа этой жизни, никогда не бываютъ рѣзкими и окончательными; языковыя явленія одного періода наблюдаются и въ слѣдующемъ, а иногда и много позже. Вѣрно подмѣчено, что историческаго развитія языка, какъ и развитія человѣческой мысли, измѣрять цифрами лѣтъ нельзя. Даже у первоклассныхъ писателей встрѣчаются языковыя черты стараго времени (напримѣръ архаизмы у Виргилія, допущенные имъ отчасти въ виду своеобразной привлекательности старинныхъ элементовъ для слуха автора національнаго эпоса, отчасти по требованію метра), какъ попадаютъ особенности не чисто литературнаго, но обыденнаго языка образованныхъ римлянъ (напримѣръ въ сатирахъ Горация и письмахъ Цицерона), что впрочемъ нисколько не служитъ къ ущербу достоинствъ этихъ авторовъ.

Литературныхъ твореній, въ которыхъ наблюдалась бы такая же или еще бѣдшая гармонія между индивидуальной свободой писателя и общепризнанными, выработанными опы-

томъ, литературными требованіями, въ послѣдующее время не появлялось ¹⁾. Языкъ долго еще продолжалъ жить и развиваться, но, въ цѣломъ, не къ лучшему, по сравненію съ тѣмъ, что было въ золотой вѣкъ литературы. Если литературный языкъ продолжалъ питаться обиходнымъ языкомъ образованныхъ классовъ, какъ бывало и прежде, то это было не только естественно, но пожалуй и необходимо. Если теперь не разграничивалась строго, согласно обычаю золотого вѣка, рѣчь прозаическая отъ рѣчи поэтической, то и отъ этого, подъ условіемъ необходимыхъ и по существу естественныхъ ограниченій, могло не произойти никакого ущерба для языка, напротивъ (какъ показываетъ литературный опытъ новыхъ народовъ) могла получиться польза для языка и изложенія, въ смыслѣ его оживленія и освѣженія. Ущербъ для нормальнаго развитія рѣчи произошелъ по преимуществу отъ того, что основныя и общія нормы языка въ глазахъ отдѣльныхъ авторовъ потеряли присущее имъ значеніе, выдвинулась же на первый планъ индивидуальность автора, не мирившаяся съ ограниченіями. При такомъ настроеніи и такой тенденціи писателей, къ тому же не обладавшихъ иногда и самодисциплиной духа, при ихъ склонности къ оригинальничанью, была опасность утратить тѣ пріобрѣтенія въ области языка и стиля, которыя были добыты доселѣ, особенно въ годы расцвѣта литературы. Еще важнѣе были политическія обстоятельства, при которыхъ проходила жизнь населенія, въ томъ числѣ и писателей, въ ту пору. Въ атмосферѣ деспотизма и безправія, тяготѣвшей надъ государствомъ въ теченіи всего послѣдующаго времени, за исключеніемъ немногихъ свѣтлыхъ промежутковъ, для жизни духа, а вмѣстѣ и для раскрытія проявленій этой жизни въ словѣ, не было простора, и она дѣйствительно понемногу замираетъ. Люди уходятъ въ себя, привыкаютъ замаскировывать свои мысли при ихъ выраженіи въ словѣ, впадаютъ поэтому въ искусственность и манерность, тяготѣніе къ которой поддерживалось къ тому же и модными тогда риторическими теченіями ²⁾. Простота и вмѣстѣ полнота, съ законченностью и округленностью въ выра-

¹⁾ Объ индивидуализмѣ авторовъ интереснѣйшія соображенія высказалъ F. Gaffiot, *Pour le vrai Latin* (B. ph. W. 1909, 40, 1252—1255). Срав. *Wochenschrift für klass. Philologie*, 1910, 2, рец. H. Blase.

²⁾ Norden, *Die antike Kunstprosa*, а также его „Nachträge“ въ „2 Abdruck“ обоихъ томовъ 1909 г.

женіи мысли, наблюдается не у многихъ. Терялось постепенно самое чутье формы, утрачивалась способность соблюдать во всемъ мѣру, исчезалъ настоящій литературный вкусъ. Проистекавшія отсюда особенности языка времени имперіи также, конечно, представляютъ своего рода развитіе, но оно похоже отчасти на ростъ дерева, стволу и вѣтвямъ котораго искусственно придана несвойственная имъ по природѣ, въ ея существенныхъ чертахъ, форма. Когда въ періодъ такъ наз. серебряной латыни нѣкоторые авторы стали выражаться короткими (сравнительно съ Цицероновскими періодами) фразами и когда вообще чутье внутренней связи въ периодической рѣчи ослабѣло, когда поэтому нѣкоторыя частицы стали удаляться изъ латинской фразы, а другія употреблялись въ значеніи, имъ не принадлежавшемъ, то въ этомъ, съ исторической точки зрѣнія, слѣдуетъ видѣть тоже движеніе впередъ; но это движеніе, въ послѣдствіи осложнившееся и имѣвшее большія послѣдствія, не есть движеніе по той прямой линіи, которая намѣчена была въ періодъ классической. Изъ литературныхъ вкусовъ вѣка отчасти объясняется, на примѣръ, стиль Веллея Патеркула, Валерія Максима, Сенеки, Персія, Ювенала, Лукана, Валерія Флакка, Силія Италика, Плинія Старшаго, Стація. Въ сравнительно меньшей мѣрѣ отразились требованія времени на языкъ Федра, Курція Руфа, Квинтилиана, Плинія Младшаго, даровитаго Марціала, оригинальнаго и по стилю Тацита.

И въ послѣдовавшее за симъ время также были авторы, писавшіе естественнымъ, простымъ и яснымъ языкомъ, на примѣръ Светоній. Среди авторовъ той же поры, писавшихъ размѣренной рѣчью, нѣкоторые обнаружили, вмѣстѣ съ даромъ и искусствомъ формы, извѣстный литературный вкусъ, на примѣръ Авзоній и Клавдіанъ. Но риторика и изысканность, вообще господствовавшая въ ту пору, умаляетъ цѣнность и лучшихъ сторонъ тогдашней рѣчи. Въ это же время въ жизни языка больше и больше обозначается новое — въ извѣстномъ смыслѣ—явленіе. Уже и прежде, въ отдѣльныхъ случаяхъ, наблюдалась нѣкоторая склонность отдѣльныхъ писателей къ архаизмамъ, которые вообще, благодаря отчасти школь съ ея авторами, никогда изъ литературы вполне не исчезали ¹⁾. Теперь эта склонность усилилась. Явилось цѣлое движеніе въ

¹⁾ K. Sittl, *Archaismus*, вь *Commentationes Woelfflinianaе* (1891), 403 ff.

сторону употребленія архаизмовъ. Типичные выразители такого направленія—риторъ Фронтонъ, Апулей, отчасти Авлъ Геллій. При недовольствѣ тогдашнимъ настоящимъ, мысль нѣкоторыхъ естественно могла обращаться къ прошлому и старому, казавшемуся лучшимъ и со стороны языка. Къ этому располагала и надежда—придать изложенію архаическими чертами и элементами рѣчи своего рода привлекательность. Теперь замѣтнѣе выступали также элементы и вообще особенности народнаго языка, типичнымъ памятникомъ котораго еще въ первомъ вѣкѣ имперіи были великолѣпныя въ своемъ родѣ сатиры Петронія ¹⁾. Народному языку было дано потомъ, отчасти сознательно, даже предпочтеніе предъ строго литературнымъ языкомъ, именно въ памятникахъ христіанской письменности, о которыхъ рѣчь будетъ особо. Языкъ Рима, съ разныхъ сторонъ (грамматической, лексической, семасіологической) отразившійся въ литературѣ, нѣкоторыми своими сторонами отобразился довольно рельефно и въ той письменности, которая представлена надписями, начиная съ обширнѣйшихъ и характернѣйшихъ изъ нихъ и кончая самыми малыми, въ родѣ сдѣланныхъ на свинцовыхъ тессерахъ ²⁾.

Доколѣ латинскій языкъ существовалъ въ обыденномъ употребленіи народа и образованныхъ классовъ и—затѣмъ—въ питавшемся изъ этихъ источниковъ языкѣ надписей и литературы, дотолѣ жилъ онъ полною жизнію. Въ теченіи этой своей долгой исторической жизни онъ постепенно, въ отдѣльныхъ своихъ сторонахъ, измѣнялся, въ зависимости отъ внѣшнихъ причинъ: мѣста, обстоятельствъ, культурныхъ вліяній, историческихъ событій, и причинъ внутреннихъ, заключавшихся въ индивидуальныхъ духовныхъ особенностяхъ и групповыхъ склонностяхъ лицъ, говорившихъ или писавшихъ по-латыни ³⁾. Позже, когда на основѣ народной латыни сложились и развились особыя романскія нарѣчія, латинскій языкъ, продолжая

¹⁾ Для примѣра можно указать на языкъ Юлія Валерія, который обследованъ въ диссертациі Fassbender, *De Juli Valeri sermone buaestiones selectae*, 1909.

²⁾ См. хотя бы замѣтки изслѣдователя тессеръ, проф. М. Ростовеца, въ Сборникѣ статей по классич. филологіи въ честь П. В. Никитина (1901), стр. 80 слл.

³⁾ О внѣшнихъ судьбахъ языка см. Budinszky, *Die Ausbreitung d. lat. Sprache über Italien und d. Provinzen d. röm. Reiches* (1881), и Denk, *Geschichte d. gallo-fränkischen Unterrichts und Bildungswesens, von d. ält. Zeiten bis auf Karl den Grossen* (1892).

въ извѣстномъ смыслѣ жить подѣ формами этихъ нарѣчій¹⁾, продолжалъ существовать и въ видѣ особаго языка, но уже полуживого. Такимъ является онъ въ употребленіи западной римско-католической церкви въ средніе и послѣдующіе вѣка, затѣмъ—въ употребленіи для научныхъ, школьныхъ и литературныхъ надобностей на протяжении цѣлаго ряда вѣковъ. Образованные люди средневѣковья часто прямо тяготѣли къ латыни²⁾. Представители церкви, пользуясь латинскимъ языкомъ при богослуженіи, поддерживали знаніе языка путемъ епископскихъ или кафедральныхъ, монастырскихъ и иныхъ школъ³⁾. Къ этимъ средствамъ съ XII и XIII вѣка присоединились университеты⁴⁾. Школьнымъ языкомъ даже въ городскихъ нѣмецкихъ училищахъ былъ латинскій, къ тому же не при одномъ лишь обученіи: воспитанники, по крайней мѣрѣ высшихъ отдѣленій, должны были говорить между собою по-латыни. Конечно, это была иногда странная латынь. Въ нѣмецкихъ школахъ при такихъ разговорахъ пользовались и нѣмецкими словами, придавъ имъ латинское окончаніе (подобно тому, какъ дѣлали иногда ученики старыхъ духовныхъ школъ въ Россіи). Положеніе: *melius malum latinum, quam bonum teutoniscum*—поддерживалось здѣсь настойчиво, въ томъ можетъ быть предположеніи, что важнѣе навѣкъ выразаться по-латыни, правильность же рѣчи приходитъ со временемъ⁵⁾. Въ высшихъ школахъ средневѣковья господствовала также латынь. И языкомъ ученыхъ былъ языкъ латинскій, хотя тоже нѣ-

¹⁾ См. напр., цитованное изданіе Грѣбера, также — Körting. *Lat.-roman. Wörterbuch* (1907), Walde, *Lat. etymol. Wörterbuch* (1906). Въ подобномъ же, въ сущности, смыслѣ отдѣльныя латинскія слова продолжали существовать, въ измѣненномъ, разумѣется, видѣ, въ другихъ языкахъ, напримѣръ греческомъ (B. ph. W. 1892, 2, 61) и даже еврейскомъ (B. ph. W. 1898, 27, 857; 1900, 11, 341).

²⁾ Срав. напр., Haase, *De medii aevi studiis philologicis disputatio* (1856), p. 3: *inter Germanos quicumque supra vulgus sapere studebant, adeo latinis litteris se dabant, ut patriam linguam tanquam agrestem et incultam... neglegerent etc.*

³⁾ В. Преображенскій, *Восточныя и западныя школы во времена Карла Великаго* (Спб. 1881).

⁴⁾ Н. Суворовъ, *Средневѣковые университеты* (Москва, 1898).

⁵⁾ Fr. Paulsen, *Geschichte des gelehrten Unterrichts auf den deutschen Schulen I* (1896), 21—22. Срав. Th. Ziegler, *Gesch. d. Pädagogik mit besonderer Rücksicht auf d. höhere Unterrichtswesen* (1895). Для позднѣйшаго времени сравн. П. Капнистъ, графъ, *Историч. очеркъ развитія средняго образованія въ Германіи* (Москва, 1900).

сколько своеобразный. Въ средніе вѣка никто не сомнѣвался, что образцомъ стиля и литературной формы должны быть римскіе писатели, и именно классическіе; но, интересуясь содержаніемъ, а не формою, христіанскою истиною, а не языческими представленіями, которыя казались или не стоящими вниманія или не безопасными, останавливаясь на предметахъ, о которыхъ и нельзя было говорить языкомъ древнихъ римлянъ по самому свойству идей, занимавшихъ средневѣковаго человѣка, ученые и клирики этой поры и въ университетахъ и въ обыденной жизни говорили не чистымъ языкомъ римлянъ, но языкомъ до нѣкоторой степени новымъ. Этотъ языкъ слагался главнымъ образомъ подъ вліяніемъ тогдашнихъ учебныхъ руководствъ и пособій, имѣвшихъ— вмѣстѣ съ достоинствами— крупные недостатки, и новыхъ потребностей; изучали его часто почти такъ же, какъ изучаютъ живые языки, т. е. путемъ практическимъ, который можетъ быть хорошъ лишь подъ извѣстными условіями. И въ университетахъ и въ общежитіи говорили, конечно, часто варварскою латынью, и это было неизбежно: вѣдь языкъ этотъ не былъ природнымъ. И въ лучшихъ памятникахъ средневѣковой латыни предъ нами не языкъ римлянъ времени Цицерона; однако въ этой латыни чувствуется изучавшимъ ее извѣстная свѣжесть и живость, свидѣтельствующая о живомъ чутьѣ языка; эта латынь не лишена иногда достоинствъ и въ стилистическомъ отношеніи, какъ можно судить по стилю одного изъ такъ называемыхъ «темныхъ людей». Средневѣковая латынь могла производить впечатлѣніе и на сердце, какъ показываютъ нѣкоторыя тогдашнія церковныя пѣснопѣнія ¹⁾. Вообще средневѣковой латинскій языкъ оказывался для той поры вполне пригоднымъ—быть до нѣкоторой степени универсальнымъ языкомъ, которымъ онъ отчасти и былъ ²⁾.

¹⁾ Paulsen, I, 45—48. Сравни. Wuttke, Die Kosmographie des Istrien Aithikos, S. CIX ff., и Schuchardt, D. Vokalismus des Vulgärlateins, III (1868), S. 21.

²⁾ Carl Hirzel, Grundzüge zu einer Geschichte der class. Philologie, 1862, S. 19: Die lateinische Sprache war die Sprache der Bildung. Dieselbe wurde zwar sehr corrumpt, erhielt sich aber doch durch ihre Verbindung mit der katholischen, im ganzen Abendland herrschenden Kirche eine gewisse Universalität und Lebensfrische. S. 21: Das Latein, noch lebendig im Munde und in der Schrift der Gebildeteren, wird fast ausschliesslich betrieben, dabei werden aber nicht sowohl die römischen Classiker als kirchliche Schriftsteller und Werke fünften und sechsten Jahrhunderts, so wie des spä-

Съ началомъ такъ называемаго возрожденія классической древности на западѣ наступило для латинскаго языка лучшее время. Латынь и въ эту пору бывала не всегда правильною ¹⁾. Но важно было то, что трудами видныхъ гуманистовъ, въ томъ числѣ Лоренцо Валлы ²⁾, тверже были установлены нормы

teren Mittelalters, die dem Unterrichte dienen, zu Grunde gelegt. Cf. S. 23. Frid. Naase, De medii aevi studiis philologicis disputatio, 1856, pag. 24 s: fuerunt, qui vel oratione in barbarum corrupta ingeniose uterentur, fuerunt item, qui assidua bonorum scriptorum lectione colorem aliquem antiquae et probae latinitatis ducerent ac vel prosa oratione vel versibus ad Ciceronis et Virgillii elegantiam³ aspirarent... Sciendum autem est linguam latinam non tamquam mortuam medio aevo disci solitam, cuius regulae ab solis Romanis peti possent, sed tum quoque vivere eam visam et tamquam viventem usurpatam esse ac tractatam... Itaque quamvis lingua latina iam dudum multiplici labe et rusticitate infecta esset..., tamen et in scholis omnisque doctrinae studiis, item in ecclesia et in iure iudiciisque et quotidiano cruditorum hominum usu vetus lingua retinebatur etc. О студенческой средневѣковой поэзии можно судить по Carmina clericorum (Studenten-Lieder des Mittelalters), которыя „edidit domus quaedam vetus“, 7-te Auflage, Verlag von G. Fock, Leipzig, „gedruckt in diesem Jahre“. Относительно термина clerici срав. Н. Суворовъ, Средневѣковые университеты, стр. 225, и Du Cange, Glossarium med. et inf. Lat., s. v. clerici et scholares. Любопытно средневѣковое стихотвореніе, которое опубликовалъ Helm въ Neue Jahrbücher f. Ph. u. P., 1896, и которое перепечатано въ „Фил. Об.“, XI, отд. II, стр. 95—96. Для изученія средневѣковой латыни, на которой уже давно останавливались западные ученые (о Траубе см. „Гермесъ“ 1909, 3, 66), въ ближайшіе годы многое сдѣлалъ русскій ученый, проф. А. Малейнъ. Его работы по этому предмету находились въ связи съ изслѣдованіемъ рукописнаго преданія Марціала и Альдгельма, которымъ посвящены, кромѣ журнальныхъ статей, двѣ его книги: „Марціалъ. Изслѣдованія въ области рукописнаго преданія поэта и его интерпретации“ (Спб. 1900), и „Рукописное преданіе загадокъ Альдгельма“ (Спб. 1905). На глоссы (о нихъ см., напр., В. ph. W. 1901, 31—32, 974) изъ русскихъ ученыхъ обратили большое вниманіе проф. М. Покровскій и А. Грушка въ своихъ журнальныхъ статьяхъ и отдѣльныхъ изданіяхъ.

¹⁾ Ioachimus Claudius, въ 1543 году, въ Epistola, напечат. въ качествѣ предисловія къ кельнскому изданію Laurentii Vallae De linguae latinae elegantia libri sex (Coloniae, 1545), говорилъ: Fluebat Vallae temporibus sermo Latinus sine lege, sine ulla priscae puritatis observantia, grassabaturque tota Italia barbaries etc.

²⁾ Сравн. напримѣръ сужденіе вышеназваннаго Іоахима Клавдія о Л. Валлѣ въ его Epistola, и Praefatio самого Валлы къ его труду, по изданію 1545 г. Мимоходомъ не лишне замѣтить, что въ этомъ изданіи принята орографія „Vergilius“, а не „Virgilius“, можетъ быть подъ вліяніемъ доказательствъ, представленныхъ гуманистомъ Анжело Полиціано въ защиту начертанія „Vergilius“ (см. Teuffel. Gech. d. r. L., въ отдѣлѣ объ имени Virgilia). Возможно, что и самъ Валла писалъ „Vergilius“.

языка, которыя и вошли въ сознание многих¹⁾. Гуманистамъ казалось, что латинскій языкъ долженъ быть единственнымъ литературнымъ языкомъ, и къ нему дѣйствительно обращались въ весьма многихъ случаяхъ. Въ періодъ гуманизма онъ былъ обычнымъ языкомъ рѣчей при заключеніи мирныхъ договоровъ, при приемѣ посольствъ, при общественныхъ и частныхъ собраніяхъ и торжествахъ. На этомъ языкѣ писалось множество писемъ, и официальныхъ и неофициальныхъ, и эти письма иногда отличались замѣчательною чистотою рѣчи. На томъ же языкѣ появились отличные для своего времени грамматическіе и лексикографическіе труды, историческія и антикварныя изслѣдованія. Тотъ же языкъ встрѣчаемъ въ памятникахъ тогдашняго краснорѣчія, облеченныхъ въ метрическую форму. Существовали нео-латинскія поэмы эпического, историческаго, эпиграмматическаго, элегическаго и лирическаго содержанія. Въ Римѣ и внѣ Рима давались сценическія представленія латинскихъ комедій Плавта и Теренція. Латинскимъ языкомъ пользовались при толкованіи древнихъ авторовъ, въ руководствахъ по риторикѣ и другимъ отраслямъ научнаго знанія²⁾. При этомъ существенное значеніе имѣло то обстоятельство, что латынь была въ почетѣ и распространялась не среди однихъ высшихъ

Нынѣ это начертаніе, имѣющее довольно надежныя для себя основанія, принято повсемѣстно въ Германіи; въ другихъ странахъ, напримѣръ, Франціи и Англии, начертаніе „*Virgilius*“ держится твердо, отчасти вѣроятно по традиціи и общей привычкѣ къ старой орфографіи. Сравни *Ritschl* Op. ph. II, 779—782, и *Schuchardt*, *Der Vokalismus des Vulgärlateins*, II (1867), S. 58.

¹⁾ О ципероніанцахъ, условныхъ и безусловныхъ, говорить, напримѣръ, *Бурггардтъ*, *Культура Италіи въ эпоху возрожденія*, стр. 202 сл. по русск. переводн. изд. 1876 г.

²⁾ Въ высокой степени интересенъ не только по содержанію, но и по языку, научно-литературный памятникъ, подъ заглавіемъ *Bellum grammaticale*, относящійся къ началу XVI вѣка. Авторъ этой „Войны въ Грамматикѣ“—*А. Гуарна (Andrea Guarna)* нашель многочисленныхъ подражателей, притомъ отчасти въ ближайшее къ нему время. Новѣйшее изданіе и изслѣдованіе памятника и его переработокъ представилъ *J. Volte* (въ *Monumenta Germaniae Paedagogica*, Bd. 43) подъ заглавіемъ: *A. Guarnas Bellum grammaticale und seine Nachahmungen*. Отзывы объ этомъ превосходномъ изданіи—въ *Korrespondenz-Blatt f. d. Höheren Schulen Württembergs*, XVI, 6—7 (B. ph. W. 1909, 44, 1386) и въ ж. „Гермесъ“ 1909, 4, 93—94. Текстъ памятника, переработанный *Шпангенбергомъ*, перевелъ съ лат. на русскій языкъ *Д. Янчевецкій* для ж. „Гимназія“. Отдѣльный оттискъ вышелъ подъ заглавіемъ: *J. Spangenbergius*, *Война въ латинской грамматикѣ*, Ревель, 1893.

сословій, но и въ среднихъ классахъ, притомъ даже маленькихъ городовъ ¹⁾).

Латинскій языкъ долгое время оставался языкомъ школы; умѣнье свободно выражаться по-латыни считалось въ XVI вѣкѣ въ Германіи одною изъ первыхъ учебныхъ цѣлей. Въ авторахъ, владѣвшихъ латинскою рѣчью, недостатка не было. Для примѣра достаточно указать на родственную намъ народность—польскую, находившуюся совсѣмъ не въ центрѣ гуманистическаго движенія, которая дала замѣтныхъ неолатинистовъ-стихотворцевъ въ XVI и XVII вѣкахъ ²⁾. И позже умѣнье не только понимать латинскую рѣчь, но и писать и говорить по-латыни, въ предѣлахъ нынѣшней Германіи, прежде всего требовалось отъ всякаго, кто искалъ научнаго образованія. Въ XVIII вѣкѣ, вблизи Львова въ Галиціи, жилъ гуманистъ-крестьянинъ, писавшій латинскіе стихи ³⁾. Впрочемъ, съ теченіемъ времени, положеніе латинскаго языка, въ общемъ, замѣтно измѣнялось къ худшему. Въ XVIII столѣтіи, по крайней мѣрѣ до половины, въ нѣмецкихъ школахъ и въ университетахъ чувствовалась еще латинская атмосфера ⁴⁾; въ XIX столѣтіи, особенно съ 1848 г., эта атмосфера исчезаетъ; даже для оффиціального краснорѣчія въ университетахъ часто пользуются нѣмецкимъ языкомъ ⁵⁾. Практическое примѣненіе латинскаго языка становилось болѣе и болѣе ограниченнымъ. Однако назвать этотъ языкъ мертвымъ въ строгомъ смыслѣ слова и теперь еще нельзя. Даже въ не очень давнее время онъ былъ обычнымъ языкомъ профессора и студентовъ при

¹⁾ Hirzel, 25.

²⁾ Г. Зенгеръ, Критическія замѣтки къ нѣкоторымъ мѣстамъ въ латинскихъ стихотвореніяхъ вновь изданныхъ польскихъ писателей XVI и XVII вѣковъ, въ Сборникѣ статей въ честь И. В. Помяловскаго (1897), стр. 25—54. Срав. въ томъ же Сборникѣ, стр. 179—190, статью С. Пташицкаго, Къ исторіи литературныхъ заимствованій въ польской литературѣ XVI столѣтія. Извѣстный Conrad Celtis еще въ концѣ XV вѣка учредилъ въ Польшѣ ученое общество—Sodalitas litteraria Vistulana. Bursian, Gesch. d. class. Philologie in Deutschland, I, 113.

³⁾ Th. Sinko, G. K. Skop, ein Bauer—Humanist des 18 Jahrhunderts, въ Eos, XIII, 1 (по В. ph. W., 1908, 42, 1324).

⁴⁾ Объ этомъ можно судить, напримѣръ, по языку имѣющейся у автора, любопытной и въ другихъ отношеніяхъ, брошюры: „Dissertatio de norma actionum studiosorum sev von dem Burschen-Comment, edita ab renommissa regum bursicosarum experientissimo eodemque intrepido horribilique Martiali Schluck Raufenfelsensi. MDCCLXXX“.

⁵⁾ Paulsen, II, 401.

филологическихъ занятіяхъ въ нѣкоторыхъ изъ университетскихъ семинаріевъ. Еще недавно появлялось на западѣ и доселѣ пѣвляется весьма не мало написанныхъ по-латыни диссертаций на ученые степени, изслѣдованій, обычно прилагаемыхъ къ годичнымъ отчетамъ учебныхъ учреждений и къ университетскимъ программамъ, отдѣльныхъ брошюръ и книгъ, въ томъ числѣ и комментаріевъ къ древнимъ авторамъ. Латынь не всѣхъ этихъ изданій признавалась и признается рецензентами легкою, гладкою, всегда классически-правильною, но въ общемъ она одобрялась; языкъ же нѣкоторыхъ латинистовъ далъ право называть ихъ прямо замѣчательными стилистами. Кромѣ того, на западѣ еще не очень давно произносились иногда по-латыни рѣчи на ученые и вообще академическія темы, въ память выдающихся лицъ, по поводу важныхъ годовщинъ и т. под.; составлялись на томъ же языкѣ адреса отъ однихъ университетовъ другимъ ко дню ихъ юбилеевъ, привѣтственныя письма отъ факультетовъ и отдѣльныхъ лицъ замѣчательнымъ ученымъ, объявленія отъ «ректора и сената» университета своимъ «*commilitonibus*» по поводу разныхъ крупныхъ событій, и т. д.; составлялись привѣтственныя стихотворенія на латинскомъ языкѣ ¹⁾. Не дальше какъ 22 іюня (н. ст.) 1909 года, при торжественномъ возведеніи въ Кембриджѣ Г. Дильса въ степень *Doctor iuris honoris causa*, англійскій ученый J. E. Sandys сказалъ рѣчь на латинскомъ языкѣ ²⁾. Въ употребленіи р.-католической церкви латинскій языкъ доселѣ почти повсемѣстно остается языкомъ оффиціальнымъ. Исключенія сдѣланы въ разное время, по особымъ расчетамъ и вопреки традиціи, только для румынъ, западныхъ славянъ и отчасти поляковъ въ Россіи. Такимъ образомъ латинскій языкъ продолжаетъ въ извѣстномъ смыслѣ жить и въ церковномъ употребленіи римско-католическаго запада.

¹⁾ Примѣры можно видѣть въ изданіяхъ: Fr. Ritschelii *Opusc. philol.*, V; M. Hertz, Karl Lachmann. *Eine Biographie* (Berl. 1851); H. Kochly, Gottfried Hermann. *Zu seinem hundertjährigen Geburtstage* (Heidelberg, 1874).

²⁾ Berl. ph. W. 1909, 37, 1166. Въ томъ же журналѣ (1910, 8, 254—255), подъ заголовкомъ — „Übersetzungsproben“, напечатаны два латинскихъ стихотворенія, по поводу которыхъ Dr. A. Müller, приславшій ихъ въ редакцію, замѣчаетъ: „Es muss in unserer lateinfeindlichen Zeit für Philologen von Interesse sein, zu sehen, dass es noch ausserhalb ihrer Zunft Leute gibt, die die Sprache des alten Rom hochhalten und bis zu einem gewissen Grade beherrschen“.

Въ Россіи, какъ это и естественно, историческая судьба латинскаго языка была далеко не та, что на западѣ. Первые сохранившіеся слѣды нѣкотораго интереса къ нему относятся, правда, къ довольно давнему времени, именно къ XII вѣку, но такихъ слѣдовъ до крайности мало. Количество историческихъ извѣстій по этому предмету начинаетъ постепенно увеличиваться лишь съ XVI столѣтія, особенно же со времени учрежденія кievской академіи и московской славяно-греко-латинской академіи. Обзоръ судебъ латинскаго языка на русской почвѣ въ это, а равно въ предшествующее и послѣдующее время, вмѣстѣ съ указаніемъ литературы предмета, уже данъ профессоромъ А. Малеинымъ въ его почтенномъ трудѣ о латыни въ церковной письменности и въ употребленіи христіанскихъ народовъ ¹⁾, и потому въ настоящемъ очеркѣ достаточно будетъ изложить лишь нѣкоторыя дополнительныя свѣдѣнія ²⁾.

Въ числѣ училищъ, которыми насаждалось, поддерживалось и развивалось знаніе латыни въ Россіи, должны быть упомянуты западно-русскія школы, которыя стали появляться со второй половины XIV столѣтія. Объ этихъ школахъ въ русской литературѣ есть специальное изслѣдованіе, въ которомъ, вмѣстѣ съ другими матеріалами, приведены свѣдѣнія и о положеніи въ нихъ латыни, о стихотвореніяхъ на латинскомъ языкѣ, составленныхъ студентами виленской академіи, о *carmina Sarbievii*, о привѣтственной латинской рѣчи студента несвижской коллегіи, обращенной къ Сапегѣ предъ отъѣздомъ его въ Москву, и мн. др. ³⁾. Латинскія рѣчи и стихотворенія не составляли рѣдкости и въ старыхъ великороссійскихъ духовныхъ школахъ ⁴⁾. Еще въ первой четверти XIX столѣтія

¹⁾ А. Малеинъ, Латинскій церковный языкъ—въ № 6 „Богословскаго Вѣстника“ за 1907 г. Оттиски статьи, въ видѣ брошюры, вышли въ томъ же году.

²⁾ Авторъ предлагаемой статьи, конечно, не имѣетъ въ виду давать полнаго обзора предмета: это и невозможно, и нецѣлесообразно въ сжатомъ очеркѣ, гдѣ набрасываются лишь контуры предмета и, при случаѣ, для поясненія сказаннаго, приводятся примѣры изъ имѣющихся подъ руками матеріаловъ.

³⁾ К. Харламовичъ, Западнорусскія православныя школы XVI и начала XVII вѣка (Казань, 1898).

⁴⁾ Для примѣра можно сослаться на матеріалы, содержащіяся въ Сборникѣ старыхъ брошюръ гражданской печати, принадлежащихъ сиб. дух. академіи, № А.—13. Здѣсь содержатся латинскіе стихи и рѣчи, со-

и даже нѣсколько позже латинскій языкъ, въ нѣкоторыхъ по крайней мѣрѣ семинаріяхъ, служилъ отчасти языкомъ преподаванія, ученическихъ сочиненій и рѣчей при торжественныхъ случаяхъ ¹⁾. Доселѣ сохранились бывшія видимо въ рукахъ у старыхъ семинаристовъ учебныя руководства и пособія на латинскомъ языкѣ ²⁾.

Нѣкоторые русскіе ученые, съ цѣлію сдѣлать свои работы доступными ученому міру запада, даже въ ближайшее время излагали процессъ и результаты своихъ изслѣдованій не только на новыхъ европейскихъ языкахъ, но и по-латыни. Эти изслѣдованія появлялись въ немаломъ количествѣ въ видѣ статей въ «Журналѣ Минист. Народ. Просвѣщенія» и «Филологиче-

ставленные по особымъ случаямъ, въ концѣ XVIII вѣка, въ московской Славяно-греко-латинской академіи и крутицкой и нижегородской семинаріяхъ. Библиографическія свѣдѣнія объ этихъ матеріалахъ сообщилъ А. Родосскій въ составленномъ имъ „Описаніи книгъ гражданской печати XVIII-го столѣтія, хранящихся въ библиотекѣ Спб. дух. академіи (Спб., 1899), стр. 294, 331 и 505—506.

¹⁾ А. Тиховъ, Нижегородская дух. семинарія въ 1818—40 годахъ (Нижній Новгородъ, 1905,—отд. оттискъ изъ „Нижег. Еп. Вѣд.“ за 1905 г.), стр. 32: „лат. языкъ считался „классическимъ“, на которомъ преподавались всѣ главные предметы“; сравн. стр. 46 слл. объ учебникахъ и пособияхъ. Стр. 41: „сочиненія назначались и на русскомъ, и на латинскомъ языкахъ. Съ 1820 г. по одному сочиненію на лат. языкъ отъ каждаго ученика высшаго и средняго отдѣленія семинаріи отсылалось даже въ Академію, по требованію послѣдней“; сравн. на стр. 42—43 латинскія темы, которыя давались для латинскихъ письменныхъ работъ на экзаменахъ. Стр. 57: „непремѣнную часть декабрьскихъ испытаній во всѣхъ отдѣленіяхъ семинаріи составляли два сочиненія—одно на русскомъ языкѣ, другое на латинскомъ“. Стр. 59: въ программу публичнаго экзамена въ 1828 г., между прочимъ, входила „привѣтственная рѣчь одною изъ учениковъ высшаго отдѣленія, на латинскомъ языкѣ, къ господамъ посѣтителямъ“. Сравн. А. Тиховъ, Нижегород. дух. семинарія въ 1840—1851 гг. (Нижній-Новгородъ, 1903,—перепеч. изъ „Н. Е. В.“ за 1902 и 1903 г.), стр. 168 и друг. Замѣчательно, что еще въ 1847 г. ректоръ Аполлоній выражалъ желаніе, чтобы ученики семинаріи были ознакомлены съ исторіей древнихъ языковъ (стр. 138).

²⁾ В а u m e i s t e r i Elementa philosophiae, большой томъ, въ который вошли: Brevis historiae philosophicae narratio, Prolegomena philosophiae, Logica sive philosophia rationalis, Metaphysica, Physica sive philosophia naturalis, Philosophia practica; (издатель, Nicolaus Bantisch—Kamenski, помѣтилъ свое предисловіе 1785 годомъ); Compendium orthodoxae theologiae doctrinae ab archim. Н. К а р п и н с к и concinnatum (1786); Christianae, orthodoxae, dogmatico—polemicae theologiae... compendium, in usum rossicae studiosae juventutis concinnatum atque... ab... Irenaeo Falkowski completum (1810), и друг.

скомъ Обзорѣніи», и въ видѣ отдѣльныхъ изданій, въ томъ числѣ и изданій древнихъ надписей съ необходимыми поясненіями. Приходятъ на память имена: A. L. Doellen, E. Mueller, Th. Korsch, Ioh. Zvetaieff, B. Latyshev, V. Iernstedt, Th. Zielinsky, Ioh. Cholodniak, I. Luniak, A. Sonny, N. Novossadsky, B. Warnecke, Schöffer, S. Sobolewski, P. Tschernjaev, A. Hruschka, S. Rozdestwensky, M. Krascheninnikov, W. Subkov, T. Siemiradzki, G. Fischer, G. Schmid, E. Schulze, M. Malarenko, C. Pawlikowski, E. Werth, H. Wulfius и другихъ. Появились въ ж. «Филологическое Обзорѣніе»: двѣ эпиграммы—Лукіана и Павла Силенціарія—въ стихотворномъ переводѣ съ греческаго языка на латинскій языкъ Th. Korsch'a; стихотвореніе Пушкина «Мечтателю» въ стихотвор. переводѣ на лат. языкъ того же Th. Korsch; первый псаломъ Давида и нѣсколько стихотвореній Пушкина, Лермонтова, Тютчева, В. Гюго и Шиллера—въ латинскомъ стихотворномъ переводѣ G. S. Въ «Журналѣ Минист. Народ. Просвѣщенія» G. Saenger напечаталъ посвященный Ѳ. Ѳ. Соколову стихотворный переводъ на латинскій языкъ одной баллады Мицкевича. Здѣсь же, за подписью G. S., появился латинскій стихотворный переводъ «Фонтана» Тютчева и «Тучи» Пушкина. Въ томъ же журналѣ преподаватель латинскаго языка изъ саратовской гимназіи Carolus Cossmann помѣстилъ свое латинское стихотвореніе, посвященное императору Александру Третьему ко дню священнаго коронованія. Въ болѣе раннее время нѣкоторые образованные люди, особенно изъ учившихся въ старой духовной школѣ, иногда и переписывались между собою по-латыни. Для той же цѣли пользовалась латинскимъ языкомъ извѣстная въ свое время Елизавета Кульманъ ¹⁾. Была сдѣлана попытка поставитъ и изученіе латинскаго языка такъ, чтобы имъ при случаѣ можно было пользоваться практически, примѣнительно къ новымъ потребностямъ ²⁾.

Въ недавнее время, съ нѣкоторою даже горячностью, защищался проектъ, осуществленіе котораго могло бы придать латинскому языку новую жизнь. Это—мысль о латинскомъ

¹⁾ Сообщение Е. фонъ-Леве—«Неизданныя письма Елизаветы Кульманъ на латинскомъ и греческомъ языкахъ и ея комментаріи къ Иліадѣ и Одиссеѣ»—въ Обществѣ классич. филологіи и педагогики, по отчету ж. «Гермесъ», 1908, 18, 489, и статья E. Thomson'a: Elisabeth Kulman—въ Jahresbericht der Schule der reformierten Gemeinden für 1908/1909.

²⁾ А. Маленинъ, Николай Ѳеодоровичъ Кошанскій (Отд. оттискъ изъ сборника: «Памяти Л. Н. Майкова»), 1901, стр. 12.

языкѣ, какъ языкѣ международномъ ¹⁾. Указанный проектъ, если говорить сравнительно, осуществимѣе, чѣмъ проектъ введенія греческаго языка въ качествѣ языка международнаго ²⁾, а равно и искусственнаго языка Esperanto, защитники котораго настойчиво рекомендуютъ его въ качествѣ международного языка, не смотря на вѣскія противъ нихъ возраженія ³⁾. Но, если говорить по существу, предположеніе о латыни, какъ международномъ языкѣ, едвали не слѣдуетъ назвать чистой утопійей, объ осуществимости которой и думать серьезно нельзя ⁴⁾.

Александръ Садовъ.

¹⁾ Ch. André, Le latin et le problème de la langue internationale. Avec une préface de M. P. Regnaud (Paris, 1903). Сравн. рецензію O. Weissenfels въ B. ph. W. 1903, 35, 1111—1112. Интересныя указанія для исторіи вопроса даетъ П. Первовъ въ ж. „Гермесъ“, 1907, 5, 117—122.

²⁾ C. Salvadori, D'una lingua internazionale въ 'Ελλάς, по B. ph. W. 1890, 12, 388. Срав. E. Schwyzer, Die Weltsprachen des Altertums in ihrer geschichtlichen Stellung, 1902, S. 37—38. Этой брошюрой, относящейся вообще къ темѣ настоящей статьи, авторъ послѣдней могъ воспользоваться только при чтеніи корректуры.

³⁾ K. Brugmann и A. Leskien, Zur Kritik der künstlichen Weltsprachen (1907), и K. Bruchmann въ рецензіи на названную брошюру въ B. ph. W. 1908, 48, 1510—1513. K. Brugmann und A. Leskien, Zur Frage der Einführung einer künstl. internat. Hilfssprache, 1908. G. Baumann, Zum Problem einer internationalen Sprache, 1910.

⁴⁾ Сравн. Sittl въ Bursian—Müller's Jahresbericht, Bd. 40 (1884, III), S. 356, и K. Brugmann und A. Leskien, Zur Kritik der künstlichen Weltsprachen, Zweiter Abdruck, 1907, S. 7.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

Санкт-Петербургская православная духовная академия Русской Православной Церкви – высшее учебное заведение, целью которого является подготовка священнослужителей, преподавателей духовных учебных заведений и специалистов в области богословских и церковных наук. Подразделениями академии являются: собственно академия, семинария, регентское отделение, иконописное отделение и факультет иностранных студентов.

Проект по созданию электронного архива журнала «Христианское чтение»

Проект осуществляется в рамках процесса компьютеризации Санкт-Петербургской православной духовной академии. В подготовке электронных вариантов номеров журнала принимают участие студенты академии и семинарии. Руководитель проекта – ректор академии епископ Гатчинский Амвросий. Куратор проекта – проректор по научно-богословской работе священник Димитрий Юревич. Материалы журнала подготавливаются в формате pdf, распространяются на компакт-диске и размещаются на сайте академии.

На сайте академии
www.spbda.ru

- события в жизни академии
- сведения о структуре и подразделениях академии
- информация об учебном процессе и научной работе
- библиотека электронных книг для свободной загрузки